

ВОССТАВШЕЕ СОЛНЦЕ

В шумной, возбуждённой толпе стоит высокий человек и растерянно улыбается, уж очень много света и людей после стольких лет одиночества и забвения. И хотя афиш об открытии выставки в городе не было, народу собралось много. Бакинцы только слышали о нём, но не имели возможности познакомиться с его творчеством.

Драму Мирджавадова трудно понять без экскурса в прошлое... когда любое отклонение от строго регламентированной жизни, окаменевших догм воспринималось как отступничество, как посягательство на идеологию. Его причислили к формалистам. Он поселился за городом в покинутой полуразрушенной даче. Там было неуютно, холодно, но зато рядом море, вокруг тишина, пронизанная голубизной неба. К нему приезжала молодёжь. Она не всегда понимала его, но всегда восхищалась им. Неистовый в поисках, постоянно меняющийся, он нарушал установившиеся представления о художнике. Другие – среди них были и талантливые – быстро приноравливались к требованиям момента, получали заказы, ордена, премии. Мирджавад не участвовал в этих "играх"... Его холстами была забита мастерская. Никто не интересовался ими. В целом он мужественно переносил удары, какие обычно перепадают на долю полузабытого художника. Он даже полюбил своё вынужденное затворничество. За окнами салона серое небо. А в зале вопреки календарю вспыхнуло, нет, скорее восстало солнце. И всё-таки выставка состоялась. Благодаря перестройке произошло невероятное.

Фаиг Мустафаев
(газета "Советская культура", 20.02.1988)

К сожалению, для нас, москвичей, для многих художников ваше творчество только совсем-совсем недавно приоткрылось. Первый раз я встретился с вашими работами в Центральном доме литератора. Я помню эту выставку, которая запомнилась всем нам, москвичам. Видимо, судьба ваша, да так оно и есть, судьба художника, она не совсем обычна, потому что ваше творчество ещё в начале, в истоках своих уже не укладывалось в те довольно жёсткие принципы прокрустова ложа социалистического реализма. Шестьдесят с лишним лет, и первая персональная выставка. С одной стороны, это трагедия для художника, когда его работы не видят, и он творит только для себя, не получая вот этого очень важного ощущения, что ты нужен среде. Потому что художник пишет для себя, это в первую очередь, но вместе с тем и для среды. И вот в этом я усматриваю ту большую и сложную трагедию, которая происходила в вас постоянно, она и сейчас происходит... Это как раз очень характерно, и это видно, эти сложности судьбы и жизни, это видно в ваших работах, своё понимание колорита, формы. Когда-то вы резко изменили творческое кредо и даже как будто бы какую-то часть работ своих ранних сожгли. Так это было? И это, естественно, неординарно в наше время, такое бывает очень редко, и только с большими художниками, способными наступить на себя, иногда отказаться от того, что ты, может, долго исповедывал, и в конце концов пришёл к неким более значительным истинам, которые ты действительно ныне исповедуешь. Вот меня как раз поражает вера и убеждённость в то, что сам художник исповедует. Его идея, когда художник говорит,

что "я не отражаю мир", как мы все как правило отражаем, соответственно субъективно переключая своё мышление. А Мирджавад, он говорит так, что его "картины – это сам мир", здесь нет никакого отражения. Это сам мир, вот тот реальный мир, как стены, как небо, как солнце, как воздух, как все страхи человеческие, которые существуют внутри каждого. Вот здесь их очень драматично, я бы сказал трагедийно зачастую, обнажает художник. Причём, при этом существует своя собственная форма выражения этих личных своих настроений, переживаний, трагедий, драм. Сейчас я, анализируя историю искусства азербайджанских художников, вижу, сколько много они взяли от вас. У меня теперь возникают такие аналогии с художниками более молодыми – откуда они пришли? Я вижу, что во многом, как говорится, сказывается и ваше влияние, вашего творчества. Для художника самое важное в конце своего творческого пути объявить своё творческое кредо и утвердить своё кредо. Потому что самое сложное как раз бывает в жизни художника – это утвердить своё кредо, испытывая сопротивление среды. И я полагаю, что такое сопротивление, оно будет, оно есть...

Игорь Обросов,
народный художник России,
действительный член Академии Художеств

ДЖАВАД

...во дворе дачи без ворот сидел мужчина и смотрел на волны. "Кто это?" – "Художник Мирджавад. – Ответил мой попутчик. – Он здесь и зимой живёт." Этот гигант понравился мне. Но какая-то автономия, занятость своими мыслями (Он смотрел на прохожих, но не видел их) и даже несколько раздражённый вид его оказались сильнее журналистского любопытства и любознательности. Спустя 20 лет мы сблизились... Мирджавад, его образ жизни вызывает восхищение молодых художников. В те дни в Баку проходило всесоюзное совещание-семинар молодых художников. Они спорили, подвергали критическому анализу "отцов", шумно, категорично, с горячностью, свойственной их возрасту, опровергали авторитеты, но когда речь зашла о Мирджаваде, все говорили о нём с восхищением, а вечером на банкете за него подняли бокалы с вином и пили стоя. Когда Мирджавад говорит о своём творчестве – он поэт. Волнуется. Не очень заботясь о логике, делает неожиданные, резкие переходы, словно нарушает ход мысли. Он говорит, как пишет картины... Но когда выскажется, выходит убедительно, сильно и главное цельно. Хотя живописец не молод, рядом с ним тебя охватывает не умиротворение, а беспокойство. Его тонкие, по-аристократически красивые пальцы, в моменты вдохновенных монологов (хозяин дома как истинный южанин, войдя в раж, каждое слово сопровождает жестом), напоминают мне провода с током высокого напряжения. Рослый светлоглазый с пепельно-русой копной волос, посеребрённой сединой, белые руки, красноречиво живые, подвижные, как языки пламени. Художник в окружении сверкающих картин был похож на костёр. Вот таким ярким, энергичным запомнился мне после нашей последней встречи этот шестидесятидвухлетний молодой человек, который готовился к своей первой персональной выставке.

Фаиг Мустафаев,
журналист, Азербайджан, 1985

(впервые опубликовано в альманахе
"Гобустан", №2, 2002)

ОН БЕЗ КОРОН КОРОНОВАН...

«Кто б ни был ты, о рыцарь, взирающий на ужасное это озеро! Если хочешь добыть сокровища, под его чёрною водою сокрытые, то покажи величие неустрашимого твоего духа и погрузись в эту огненную и чёрную влагу, ибо только при этом условии сподобишься ты узреть дивные чудеса, таящиеся и заключённые в семи замках семи фей, которые в сей мрачной обретаются пучине».

Сервантес. «Дон Кихот».

...Всю свою жизнь он боролся с пустотой, не позволяющей пробиться свежему ростку мысли. Его называли совестью азербайджанского искусства... Его творческое представление шло вразрез с тогдашней политикой страны... В советский период, вплоть до горбачёвской перестройки, господствующим стилем в изобразительном искусстве являлся социалистический реализм... «нейтральные», ни к чему не обязывающие пейзажный, портретный и натюрмортный жанры... Существовал круг «дежурных» тем – труда, спорта, досуга... Художники, решавшие в своём творчестве иные формально-стилистические задачи, по духу далёкие от культурно-идеологической пропаганды, исключались из существующего контекста официального искусства... Впервые в 1942 году, увидев репродукцию картины Сезанна «Марди Гра», Джавад кардинальным образом переосмыслил свои взгляды. В 1949 он отправляется в Санкт-Петербург, где создавал модернистские инспирации с произведений мастеров европейской классики и был на тот период единственным человеком в СССР, получившим постоянный доступ к запасникам новозападного искусства в Эрмитаже. В этом было отказано самому Петру Кончаловскому. Джавад, привыкший к вечной борьбе, был сражён.словно по мановению волшебной палочки перед ним распахнулась желанная дверь... Несколько десятилетий спустя, Пиотровский, будучи в Баку и рассматривая слайды Джавада, воскликнет: «Вавилон, Вавилон! Грандиозно. Как пирамиды Египта... Не даром вы потрясали стены Эрмитажа, только вы как мамонт в спичечной коробке замкнуты здесь, надо в

Москву, вас откроют, узнают и на Западе..»). – «У меня нет денег. А когда появляются, их достаточно лишь на билет и проживание в Москве, или на создание очередной картины. Я выбираю последнее, потому что не писать для меня хуже смерти!». Пиотровский крепко обнял его и сказал: «Художник, истинный художник!»... Джавад был справедлив и праведен. Диссидент, одиночка, жил с мечтой потрясти мозги идиотов, а ежели этого будет недостаточно – вытащить, вымыть и положить заново... Не раз он с тоской смотрел на огромную очередь возле посольства США... но подорвано здоровье, и проблема вывоза огромных картин... «На стенах советского Азербайджана нет следов моей жизни,» – бросал художник. «На стенах моего Азербайджана, нет моих следов, чёрт возьми, это плохо, так жаль,» – с горечью повторял Джавад... 1985 год подходил к концу. Жить становилось всё сложнее. В один из мрачных дней этого тяжёлого года старый больной и подавленный живописец попросил Любу включить телевизор, и она нажала кнопку маленького старенького телевизора. На экране появилось широкое, улыбающееся лицо писателя Чингиза Айтматова, только что прибывшего в Баку. Художник резко поднимается... и через полчаса он с супругой был в доме гостей, объявив толпе почитателей, что пройдёт первым. Возникла небольшая потасовка, и на шум выглянул друг Айтматова, писатель Леонид Латынин... просмотрев слайды Джавада, он неожиданно для всех пригласил Мирджавадовых войти. В ту памятную встречу они проговорили до позднего вечера. На следующий день Айтматов появился в их квартире, сплошь заставленной картинами. С того дня огромное полотно Джавада «Фазтон» умчится в частную коллекцию Чингиза Айтматова, а Картина «Пожар» окажется в частном собрании Артура Миллера, «Сомнамбулу» же увезёт Габриэль Гарсия Маркес и скажет: «Сомнамбулу» Я повешу в кабинете своей парижской квартиры». Позже Айтматов пояснит: «Я знаю, что означает, когда писатель решает повесить в своём кабинете ту или иную картину. Ведь нам мешает всё. Маркес прочувствовал органическую связь с этой вещью, что она сможет давать ему всё новые и новые приливы вдохновения»... Живописец очень любил музыку... однажды он попросил свою супругу: «Когда я умру, обязательно посмотри на мои глаза. Если они будут закрыты, значит, я был рождён стать музыкантом, но если открыты – значит, мой жизненный путь был верным»... **Он ушёл из жизни в вагоне поезда. Тяжело больной, непризнанный, но всей своей жизнью доказавший, что был истинным художником. Джавад ушёл с широко открытыми глазами.**

Инара Кадырова

Азербайджан

...Остался в памяти визит к художнику Мир Джаваду. Это была странная квартира, кажется и не жилая вовсе, а просто давно не знавшая ремонта мастерская художника, где кругом свалены холсты, краски, и просто куски то ли камня, то ли битума. И среди всего этого художественного хлама, в квартире-развалюхе, в кресле, такой же развалюхе, как всё вокруг, но конструкцией своей похожей на королевский трон, сидел Олимпиец. Так свою судьбу, своё призвание, своё ремесло воспринимал он сам, художник Мир Джавад... процитирую лучше то, что

впоследствии напишет Гачев: «Когда вынесли картины – какая-то горячая смесь навалилась на тебя: из солнечности и мощности, из страха и веселья... И всё так пёстро, как ковёр. И пружинно-волево: постоянен орнаментальный мотив змеяющейся волны, сжатой синусоиды, что вот – распрямится. И эти пружины прошивают все ровные плоскости, то тут, то там... И вот, суммируя впечатление своё на языке четырёх стихий, я сказал: Это же Космос огневоды! Повышенная жизненность, пружинная плоть, и всё бытие полыхает пестротой даже тёмное: чёрное, фиолетово-лиловое – всё пышет жаром, не холодом, чревато пламенем – как нефть, которая тоже огневода, потенциал зороастрийский... барельеф из битума, где нанесена и глазурь, а посреди выпуклость круглая, а в ней щель, как влагалище мировое...

Рахман Бадалов
Философ, Азербайджан

ОТРЫВКИ ИЗ РЕКОМЕНДАЦИЙ ДЛЯ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ВЫСТАВКИ

«Искусство Джавада обладает чертами эпической монументальности...У нас порой равнодушную созерцательность или бездумную весёлость ремесленников принимают за оптимизм. Джавад – оптимист по мировоззрению, у него переизбыток духовной энергии, серьёзность, переходящая в ребячливость, неиссякаемое богатство фантазии...Гармоническое ощущение взаимосвязи человека с окружающей средой расчленяет бытовую непрерывность жизненных явлений и образует в живописи Джавада новую закономерность... Джавад – художник большой силы, большого дыхания.»

Январь-1984
Михаил Алпатов, профессор
Действительный член
Российской Академии художеств,
доктор искусствоведения

ФРАГМЕНТ ИЗ ПИСЬМА

«...Я в общих чертах представляю себе Ваше искусство – знаю как оно выношено, убеждено, зрело. Самое главное в Ваших картинах, на мой взгляд, это соединение древней традиции с современным художественным мышлением. Качество редкое и просто драгоценное!...»

Каменский, Россия, 15 январь 1987

ПЕРСОНАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА В ЦДХ НА КРЫМСКОМ ВАЛУ, 1991

Он стоит у истоков целого направления современной азербайджанской живописи. У него сейчас много и подражателей, и последователей. Земля, в недрах которой течёт такая маслянистая, способная вспыхнуть обжигающим пламенем нефть. Природа Гобустана – это родина художника – конечно же воодушевляла, обостряла его творческое мировоззрение. Там он нашёл и наскальные рисунки первобытного человека, там он видел древние вулканы и вот эту землю, которая хранит на себе следы геологических катаклизмов. Там открыл себе памятники далёкого прошлого, архаические могильники, которые поразительно перекликаются с искусством Латинской Америки. Там он впитал всю красочность, всю орнаментику восточных ковров. Там он впитал то удивительное солнце, которое пронизывает его полотна. Временами они связаны с античной мифологией, порой они уводят из мира азербайджанской мифологии, скажем, дальше на Восток. Произведения Мирджавадова резко полемизируют с изысканностью миниатюры, становятся довольно brutальными. Невероятно экспрессивные, откровенные, они конечно требуют подготовки зрительской, они требуют сопереживания. Но, если вглядываться в художественную ткань полотна, то поневоле попадаешь под воздействие и очарование вот этой невероятной мощи цвета и невероятного, уникального темперамента художника. Его зритель – это зритель, для которого важно не внешнее правдоподобие, а тот, которого волнует правда искусства, зритель, который склонен видеть в искусстве своего рода философское отражение жизни. И вот такому зрителю, будь он рождён в России или в Азербайджане, в Турции или в Европе, искусство Мирджавада безусловно близко, потому что это – художник-философ, художник-мыслитель, художник, который метафорически переработал образ действительности в своём творчестве.

Светлана Хромченко,
старший научный сотрудник
Российского Государственного музея
искусств народов Востока

«...Полемически заострённая против приторно-слащавых критериев в изобразительном искусстве эстетическая позиция художника отличается жёсткостью, не переходящей, однако, в жестокость... от прямого отображения объектов видимой действительности художник движется по направлению обобщённого, условно-гиперболизированного воплощения мира – создаёт свою собственную реальность, опирающуюся не только на визуальные наблюдения и фрагменты памяти, но и на внутренний духовный опыт...»

Анар, 1987
Народный писатель Азербайджана

Помню, как он приехал в Эрмитаж и добился, чтоб его допустили в эти запасники, в которых находились Матисс, Сезанн. Так что благодаря его содействию мы тоже могли смотреть это, он нас проводил туда... Директор Эрмитажа, он там как-то, ну что-бы никто не узнал И Джавад, он изучал не только французскую культуру, он изучал Испанию, Эль Греко, он в художниках видел, глубину эмоций, напряжение большое. В Ленинграде посещал Кунц-камеру тогда и изучал искусство латиноамериканских народов в её коллекции. И потом у него был период, у Джавада, когда он поселился в Бузовнах, на Абшероне, там работал. Однажды мы с ним писали в Лок-Батане на застывшей вулканической лаве пейзаж. Он разложил бумагу, положил по краям такие вот базальтовые обломки и написал очень хорошую акварель. Я тоже рядом там работал и собрал свою акварель, свернул, а он так посмотрел на небо, ветер так дул, и говорит: "Ну пошли, пошли дальше смотреть эти горы лок-батанские". А я говорю: "Ну ты же возьми эту акварель, она же очень хорошая". Он говорит: "Нет, живопись, она должна быть с природой слита. Пусть какой-нибудь путник, странник, пройдёт и увидит эту живопись..." И этот дух его, он очень сильный. И потом я ещё помню его связь с московской школой "Бубновы валет". Тогда их тоже очень трудно было увидеть, всего Кончаловского даже невозможно было увидеть. Но Джавад, он нашёл ход к нему, познакомился, Пётр Петрович его очень полюбил, и Михаил Петрович. Он был частым гостем, приезжая в Москву, у Петра Петровича. И я тоже пару раз посетил, смотрел его ранние произведения, которые нельзя было увидеть даже и в Третьяковке в запасниках... Мне хочется сказать об этой выставке, что это огромное открытие нового художника. Действительно, эту выставку должны увидеть и в зарубежных странах, и в нашей стране...

Тогрул Нариманбеков,
народный художник Азербайджана

ФАНТАСМАГОРИЯ БЫТИЯ

Творчество Джавада с 1957 по 1990 г. отражает его миропонимание, всё то, что он познал через глаза души. Вот эти состояния: "В океане вселенной", "Ярость омраченности", "Пляска Духа". Реальность, метафизика, клубок экзистенциальных явлений, свитый в тёмной аорте жизни и склеенный нектаром нездешних цветков... такое ощущение, будто на вас опрокинули РАЙ и АД. Феерия гейзеров и комет... впечатав корявый строй фигур в расплавленное золото песчаных наносов, гневным ультрамарином ВЫСИ художник вопрошает о важном. Вонзая зрачки в беспредельность, над вершинами своих колеблющихся гор, Джавад поднимает

новое солнце. Красками света, будто прожектором, ошупывает дно бездны, проникает в глубь неба, высвечивая бесчисленные комбинации вражды и сроднённости гибели и возрожденья.

РУБАБА

Сокращённый вариант эссе из каталога московской
выставки в ЦДХ – 1988

КОСТЕР ЗА ЖЕЛЕЗНЫМ ЗАНАВЕСОМ

Что мы знали о нем? Одна из печальнейших фигур отечественной живописи, герой андеграунда, гений, так и не доживший до истинного признания - официальное до обидного немного, совсем чуть-чуть, запоздало, а истинное, может быть, и вообще еще не наступило. От его необъятной души остались только холсты – буйные, яркие, inferнальные. Да и вся жизнь его прошла в inferно, каковым стала для него советская система. Он не шел на компромиссы, позволяя себе величайшую на свете роскошь – жить так, как хочется. Его холсты и книга, написанная его вдовой, художницей Любовью Мирджавадовой, – это и есть наследие художника Джавада. Но разве этого мало? Кстати, этой женщине, одновременно простой и таинственной, интеллектуальной и темпераментной, прямолинейной до жесткости и очень доброй, как-то совсем не пристало слово «вдова». Есть в этом определении нечто «постфактумное», тогда как она... Нет, пожалуй, стоит сказать «они». Их воспринимаешь как-то вместе – Его и Ее. Духовная связь не оборвалась. Они по-прежнему рядом.

Альбом Джавада Мирджавадова «Интенция» и его биографическая вещь «Айтокуа» - единственный, но верный ключ к его жизни. Кстати, «айтокуа» в переводе с бушменского означает «двери в сокровенное». Это слово было найдено Любовью Мирджавадовой. Сам Джавад назвал 18 страниц своих записей, которые легли в основу книги его жены, «Диалог». На самом деле их оказалось меньше, чем 18 – сохранилось только 10... Но в любом случае рассказ о его судьбе стало возможно дополнять его собственными словами. И начать нужно, наверное, с первой и последней фраз его «символа веры», изложения его творческого кредо, которое он назвал «Моя декларация»: «На основе новейшей эстетики я преобразую реальность своих ощущений, и каждая моя картина – это не отражение мира, она сама есть МИР... Я родился на земле Абшерона, но поднялся над ней своим творчеством туда, где сталкиваются ветры с Гольфстрима и Тихого океана, с земли эскимосов и Африканского континента».

Круг первый: Баилово

Он родился в обеспеченной семье – его отец был преуспевающим меховщиком. Но семья эта была из священного рода («в нашей деревне наш род прозвали «дяли сейидляр»), и чаша господня не обошла ее, проливаясь через край через поколение. Дед Джавада - Миргасым был целителем, аскетом. Следующее поколение представлял отец - Мирхашум, на котором судьба отдохнула, предоставив ему

возможность жить вполне земной, точнее, приземленной жизнью. А потом был Мирджавад – воин духа...

Талант к отражению мыслей в зримых образах проявился в нем очень рано. Но в детстве он совсем не учился ИЗО, во всяком случае, - традиционно. Его первой «студией» стало... русско-еврейское кладбище («Надгробные статуи – идеальные модели, в отличие от моих друзей и родственников»). Учеба как таковая началась лишь в 1941 году – в художественном училище им. А.Азимзаде. Годом позже Джавад увидит в библиотеке, в одном из списанных («изгойных») изданий, репродукцию картины Сезанна «Марди Гра» и кардинально поменяет свои взгляды на искусство: «Я ощутил все чары нового мира, созданного провансальским мастером, и принял его метод... Сезанн вводил меня в большую живопись».

Как знать, может быть, именно мир Сезанна помог юноше выжить в реальном мире, который был сплошной черной дырой для него. В 1938 году пятнадцатилетний Джавад поступил на работу в кинотеатр «Азербайджан» помощником рисовальщика афиш, через полгода сам стал рисовать афиши, а еще через год был арестован и осужден за опоздание на работу. Полугодовой срок «мотал» в Баилловской тюрьме, где в качестве принудительной повинности раскрашивал веера. Узнав о его способностях, пахан тюрьмы предложил ему делать наколки ворами в законе, предлагая в обмен еду, женщин, анашу. Джавад согласился, но плату запросил не из предложенного списка. Он выторговал условия для двух других заключенных – красивого юноши-певчего, на которого давно уже положили глаз привилегированные обитатели тюрьмы, и немощного старика, у которого регулярно отнимали хлеб: первого не трогали, второму оставляли его законную пайку.

Из всех репродукций в журналах, с которых делались наколки, бандюги почему-то предпочитали Делакруа. «Романтики, черт возьми!» - вспоминал Джавад. Сам он лишь рисовал «разметочные эскизы» для будущих операций, непосредственно же тату делали опытные в таких делах зеки. Джавад не мог мучить людей – даже по их собственной просьбе. «Интересно, жив ли кто-нибудь из тех заключенных? - размышляет сейчас Любовь Мирджавадова. – Посмотреть бы... Они ведь даже не подозревают, что носят на теле произведения такого мастера». На войну Джавада Мирджавадова не взяли - близорукость минус пять с половиной, однако признали годным к тяжелому физическому труду. Но он был далек, «и, слава богу, от этого принудительного патриотизма». С гневом суммируя впечатления тех лет, он говорил жене: «по Тюркмянчайскому договору, Азербайджан поделили между собой Лев с мечом и Двуглавый орел, и затем почти столетняя неволя, отутюжившая остатки непокорности... Серпом сносились головы, молотом пришибали. Танк с красной звездой не отличался от танка со свастикой».

Круг второй: виноградник

В 1949-1954 гг. Мирджавадов жил в Санкт-Петербурге, создавал там модернистические инспирации с произведений мастеров европейской классики. На тот период он был единственным человеком в стране, получившим постоянный доступ к запасникам новозападного искусства в Эрмитаже. «Зайдя в кабинет Михаила Илларионовича Артамонова, потребовал: «Покажите мне Сезанна, или я вас убью!» Он улыбнулся и ответил: «Зачем же убивать, мы вам все покажем». Восторженный Джавад проник в святая святых, он не столько видел картины, сколько

«ощущал их, или пил, или ел, или они в меня просачивались, и я плакал». Позже он зашел к Артамонову извиниться за свою грубость. «Он встретил меня очень радушно, сердечно, отчего я еще более смутился и спросил его: «Со мной так легко было расправиться, обмануть меня, а потом вызвать милицию, ведь я не студент художественного института и не сын высокопоставленных родителей, почему же вы не сделали так?» Он ответил: «Во всей стране это никому, никому не нужно. И вдруг врывается вы, как ветер, как человек с какой-то другой земли, и вам нужна только живопись, живопись, живопись, вы бы видели себя! Как можно...». Не случайно много лет спустя на вопрос знаменитейшего искусствоведа Михаила Алпатова о том, какой вуз он закончил, Мирджавадов гордо ответил: «Эрмитаж». Тогда же Джавад делал импровизации на темы древних творений культур народов мира в Музее антропологии и этнографии. Эти впечатления можно будет проследить в последующих его работах, в их героях, на которых словно лежат отсветы адского пламени. Что касается работ тех лет, этой «лаборатории духа», то все они были уничтожены самим художником в 1955 году. Как жаль... Ведь и без него самого находилось много охотников стереть с лица земли его творчество. Один из них сумел сделать это с огромным куском его наследия. Дело было в Бузовнах, где Мирджавадов жил в 1955-1966 годах, работая над абстрактными рельефами из смолы, песка, бульжника, дерева, металла, скульптурами и живописью. Хозяин дачи, преподаватель марксизма-ленинизма, потребовал убрать с его территории «весь этот антисоветский кошмар», имея в виду красочные композиции на объемных щитах. Джавад зарыл их в песок в надежде откопать позже. И – все равно что похоронил: хозяин вызнал тайну художника и засадил весь участок виноградником... И почти весь этот этап наследия Мирджавадова оказался потерян для нас. Итак, поселок Бузовна оказался гробницей. Зато другие уголки родной земли щедро делились с художником своей энергетикой: «горы Кяльбяджара, снег, мед... Гёйчай, голубой шелк неба с оранжевой хурмой и карминными гранатами – тирья! В Масаллах закаты кипели, как лава... Шуша – корабль с цветными парусами... Шяки, зеркальный сталактит...». А вот за границу – в Мексику – его в 1965 году не выпустили. Зато жизнь преподнесла ему другой подарок – встречу с будущей женой. Он был намного старше этой юной девушки, влюбленной в философию, живопись и в него самого. «Я предвидел, что она пойдет тяжелой тропой, и молил Царя той незнакомой страны, в которой я исчезну раньше нее, открыть мне способ оберегать Любовь от зла и гибели...». Это не только воспоминание или размышления об очевидном, вызванном разницей в возрасте – это пророчество. И заклинание. Спустя двадцать лет совместной жизни, в 1986-м, он напишет ей, своей женщине, своему другу, признание в любви: «Бог дал мне три чуда: это моя жена, живопись и Абшерон».

Круг третий: сторонники и противники

70-е начались для Джавада Мирджавадова внешне довольно оптимистично: в 1970-м он впервые получил разрешение на участие в коллективной выставке в Союзе художников Азербайджана, а пять лет спустя был принят в Союз художников СССР. Но расслоение окружающего мира на «его» и «не его» людей, к этому времени, наоборот, только усугубилось, и последующее десятилетие не станет исключением. О 1985 году в «Айтокуа» написано так: «Тот год был ужасным, как будто со всех сторон обложили, в худфонде не было для меня работы, деньги за предыдущий заказ не оплатили, накопился долг в астрономическую для меня сумму – три тысячи рублей, и к тому же некоторые мои «почитатели» шарахались от меня, как от чумы, один из них даже перебежал на другую сторону улицы...». Они и сейчас живы, многие из этих

«почитателей». Но живы, слава богу, и те, кто поддерживал художника-изгоя в его бунте. По странному взаимному тяготению двух муз, это были в основном писатели – Чингиз Айтматов, Олжас Сулейменов, Леонид Латынин, Анар. Первая в жизни Мирджавадова, азербайджанского гения живописи, персональная выставка за пределами республики состоялась лишь в 1987 году, и то лишь усилиями Айтматова, «пробившего» ее в Центральном доме литераторов (этот же друг художника презентовал одно из его полотен приезжавшему в Москву Маркесу). Впрочем, и на родине первая персоналка Джавада состоялась лишь в начале того же года. Этому пророку долго, очень долго не было места в своем Отечестве... Среди тех, с кем ему было хорошо, кто понимал его, Мирджавадов упоминает Петра Кончаловского, которому благодарен за то, что тот никогда не лгал ему в вопросах творчества и политики. Вспоминает Расима Эфендиева – его книга о каменной пластике Азербайджана была настольной книгой Джавада, Кямала Ахмеда. Был рядом и совсем молодой еще Фархад Халилов... Он до конца будет стоять за Джавада. Но были и те, кто предавал. Недаром даже в рембрандтовском «Ночном дозоре» Мирджавадов нашел свой подтекст. Он обратил внимание на фигурку девочки с петухом. Большинство, с кем он спорил об этой находке великого мастера, видели в ней только эффектный прием: яркий элемент, вносящий свежесть в ряд однообразных фигур гвардейцев. Но Джавад предполагал большее – библейский намек: «не прокричит петух и три раза...». Это – об отречении Петра от Учителя. Но от самого Джавада отрекались не только вроде бы близкие по духу люди – те же художники, например (оставим их имена не столько истории, сколько Лете). Были и рядовые особи, совсем отношения к искусству не имеющие (но разве это – оправдание для них?) – «единички», «винтики», показывающие каждый своим поведением отношение к искусству в целом. Например, Мирджавадов вспоминает, что в послевоенные годы его постоянно задерживали в окрестностях Баку, куда он выезжал на этюды, - принимали за... немецкого шпиона. Он от злости ругался по-азербайджански, а ретивые блюстители закона и дружинники поражались уровню подготовки во вражеских спецшколах – вот, мол, они агентов учат даже материться по-нашему! Отбирали краски, вскрывали тюбики на предмет поиска компромата... Но худшее бывало потом, когда все выяснялось: над ним начинали смеяться – считали, что нормальные художники ходят на этюды в центр столицы, а не в пригородные поселки, где, по мнению обывателей, ничего интересного нет. Этот момент их мировоззрения Мирджавадов воспринимал как их нелюбовь к родной земле.

Особенно тягостный для него случай произошел в Бузовнах (ну, не везло ему там!). Закончив два пейзажа, он, опасаясь нести холсты по ветру, гнавшему песок, оставил их в каком-то доме. Хозяйка поставила картины в сарай и поклялась «своей жизнью, Аллахом и Кораном, что отвечает за них... через три недели иду за ними и вижу, как дети той женщины сидят внутри подрамников и написанной стороной полотна съезжают с песчаного холмика, я был зол до слез и даже не пошел ее стыдить, напоминать о клятвах, это – не просто случайность. Так мы будем терять все – свободу, культуру, землю...».

Круг четвертый: бедность и эпатаж

С Олжасом Сулейменовым Мирджавадовы впервые встретились в гостинице «Интурист». Эта встреча вышла чете художников боком. Их заметили в той гостинице, и чуть позже, когда задыхающийся от бедности Мирджавадов обратился к

замминистра культуры с заявлением о приобретении у него картины, тот не просто отказал, но и обвинил его в том, что супруга его якобы «бегает по «Интуристам» и продает картины иностранцам, на что я почти весело воскликнул: «Ух, жена, молодчина какая». Это была ложь, мы и рады были продать, но кого я знал... Чтобы зарабатывать хоть какие деньги, мне пришлось делать халтуру – плакаты с курами, баранами и бидонами молока на придорожных щитах по районам Азербайджана». Где они, те куры и бараны с советских билбордов, созданные кистью Джавада? Наверное, их было бы не менее интересно увидеть, чем боди-арт его работы на телах зеков...

Но забота о хлебе насущном никогда не заслоняла этому художнику то, что было главным в его жизни. Творческие работы Мирджавадов, по его собственным воспоминаниям, писал не только на холстах или картоне – шла в ход клеенка, старые матрасы и рубашки. Материала не хватало. И, тем не менее, супруги мирно делили между собой скудные материальные ресурсы, как, впрочем, и гораздо более щедрые – просто немереные! – ресурсы духовные. Однажды Любовь начала писать работу на картоне, и это оказался последний картон в доме. Нового купить было не на что... Увидев, что муж мается, обуреваемый желанием творить, она отдала ему расчерченную основу и предложила работать прямо по намеченной ей поверхности – я, мол, еще и не начала. Джавад принял картон, но написал свою работу «Овдан» на оборотной стороне. Любовь Мирджавадова вспоминает, что много позже ей принесли эту картину ее теперешние владельцы – хотели удостовериться в подлинности авторства (там не имелось подписи). Увидев ее обратную сторону и узнав зачаток своей работы («меня всю как током ударило!!!»), она сказала владельцам, что «они имеют не только картину Джавада, но и свидетельство его профессиональной этики»...

Вот такую, истинную этику, Джавад всегда соблюдал свято. А ложную, формальную – никогда (хотя его творчество, наоборот, по иронии судьбы, частенько клеймили словом «формализм»). Особенно – если соблюдение каких-то неписаных правил граничило с безумием (на взгляд обычного гражданина советской страны, которая виделась Мирджавадову клеткой). Так, еще в студенческие годы Джавад внаглую написал на радио просьбу передать в концерте по заявкам отрывок из своей любимой оперы – вагнеровского «Лоэнгина». Это в военные-то годы – Вагнера, любимого композитора Гитлера! В назначенный час однокурсники молодого безумца собрались послушать радио. По заявке Джавада Мирджавадова было исполнено что-то из Чайковского... Юноша был просто вне себя, а товарищи, наоборот, дивились его удаче – ведь за такое запросто могли бы не Чайковским попичкать, а в «черном воронке» увезти. Однако Бог миловал. Другой подобный случай (вообще в жизни Мирджавадова их было предостаточно) произошел несколько позже. Громко разговаривая, Джавад с двумя художниками поднимался от Азнефти. Возле дома Мирджафара Багирова приятели трусливо попросили Джавада быть «поаккуратней» - в смысле потише. Но ему, наоборот, словно вожжа под хвост попала: он орал перед страшным домом все, что думал о его обитателе, называя того палачом и еще много чем, и грозил ему карой за все злодеяния. Приятели бросились в разные стороны... Казалось бы, арест был неминуем. «Но вокруг все было тихо, почему-то не было даже охраны, только едва дернулась кремовая сборчатая занавесь в одном из окон... Кто там был за портьерой, и какие силы вселенной защитили мою гарибальдийскую голову...». Он постоянно горел, Джавад Мирджавадов – и в творчестве, и в жизни. Известный журналист Фаиг

Мустафаев писал о нем: «Художник в окружении сверкающих картин был похож на костер». Это – 1985 год, время подготовки художника к своей запоздалой первой персональной выставке. Лыдинки смерти уже проникли в мозг - сердцевину пламени. Костру недолго оставалось гореть...

Круг пятый: за пределы клетки

«Сколько раз я с отчаянием думал об отъезде из империи лжи и насилия...». Родину он любил и чувствовал как немногие. В его жилах звенели строки Насими и сиял купол Суфи Гамида. Но его шпыняли в кабинетах замминистров и в абшеронских поселках, его холсты сжигали в мастерских художники (было и такое!) и безжалостно рвали пополам неосторожные рабочие на развеске экспозиции. Он любил огромные форматы, многометровые, и не умещался в современность так же, как его холсты – в тесные квартиры хрущоб. Да, тяжело ему было в стране, которую его обостренная душа воспринимала как большую колонию с казарменной системой и тотальной ложью, и поэтому можно предположить, что если бы его согласились выпустить, он уехал бы. Но он знал, что даже если ему самому и разрешат эмигрировать, то полотна его, обличающие и откровенные, из страны не выпустят ни за что. А расстаться с ними ему было никак невозможно. Ему говорили: «У нас много таких талантов», он отвечал: «Много картошки в огороде бывает, еще лет двести пройдет, пока такой, как я, родится...». Ему советовали быть гибким, а он парировал: «Тут все и без того «гибкие», даже слишком, не страна, а какой-то гимнастический зал». Его картины кляли за inferнальность - мол, все «с каким-то уродами да дьяволами» (правда глаза колола?), сотрудники Минкультуры в 1986 году шарахнулись от его гигантской картины-исповеди «Хумай», а он ехидно предрекал: «Да, позже, безусловно, придут господа «когда уже можно» и станут кривляться «авангардиками», надерганными от Ван Гога до Поллака». Персональные выставки Джавада в Баку проходили без афиш, от его полотен отказывались отечественные музеи... В 1987-м, когда по стране пронесся ветерок свободы, и еще никто не знал, в какую страшную бурю он выльется, пласты непонимания в жизни Мирджавадова дали трещину – мятежный живописец вдруг был избран в правление Союза художников, о нем сняли документальный фильм «Это - Джавад» под эгидой Анара, опубликовали репродукции его полотен в журнале «Гобустан», а годом спустя присвоили звание заслуженного деятеля искусств республики. В 1988 году полотна Джавада Мирджавадова включили в коллективную экспозицию, которую демонстрировали в Японии. Эта выставка была организована Музеем народов Востока. Сам же он впервые вырвался за границу (это была Дания) лишь в 1989-м. «Меня особенно радовало то, что первая страна, куда я выехал, была, назло коммунистам, монархия, и временами я кричал посреди улиц: «Вива, королева!» - и прохожие смеялись, что это какой-то русский идиот орет». В 1991 году выставку Мирджавадова в Москве, в Центральном доме художника (ЦДХ), открывали практически при пустом зале. Опять не вписался в свое время? Да, в какой-то степени: весы истории качнулись в другую сторону, и это был день путча – на ЦДХ нацелились дула пушек. Но друзья были рядом. Правда, все это основательно запоздало в его жизни. Он уже был болен, великий художник – после инфаркта в 1983-м пренебрег советом врачей временно отказаться от творчества и взялся сразу за 15 холстов. Этот цикл он назвал «Диалог со смертью». Ответ костлявой собеседницы оказался неслышным и подлым, с оттягом. «Недуг сверлил в моем мозгу невидимые дырочки». Атрофия мозга. Свои последние три холста Джавад Мирджавадов написал в 1990 году в Вене, в отеле «Бетховен». Он любил Бетховена и радовался совпадению – названию гостиницы...

24 июня 1992 года он умер в поезде «Копенгаген - Москва». А круги адские, что он проходил при жизни, и сейчас еще не завершены. И поныне в разговорах о нем кто-то отплевывается, кто-то отмалчивается, кто-то лжет. А в квартирке, где живет Любовь Мирджавадова, все сохранено как было при нем. Художественные альбомы. Стены с цитатами великих. Ковры. Он, правда, их не жаловал, как и любой признак мещанской сытости, но в последние годы болезнь заставляла его мучительно реагировать на шумы, вот и пришлось застелить пол сплошняком. На коврах холсты - Его и Ее. Звуковой иллюстрацией к этой картинке притаился в новом, посмертном каталоге Джавада Мирджавадова фрагмент оды «Джаваднаме» Вильяма Мейланда, написанной в 1981 году.

Он не пишет, он лепит краской.
Ему тесно на поле холста.
С ним свиданье, как будто встряска
Недр, где плавится красота!
...Кто-то мается мукой праздной,
Кто-то жирный заказ отхватил...
Мирджавад,
краской пол изгваздав,
Знай работает, что было сил.

Кобыстан, словно формула тайны,
Ритмы гор, вензеля ковров –
Все сошлось на холсте не случайно.
В красках – отсветы дальних миров...

Любовь Мирджавадова приподнимает край ковра, и я вижу пол... Точнее, я не вижу пола. Там только густо положенные мазки краски, как на огромной палитре. И они не менее ценны, чем холсты. Те – памятник таланту, эти – памятник трудолюбию, преданности своему внутреннему миру, идеалам, которые не смогли поколебать никакие жизненные штормы. Это тоже его, Джавада, декларация.

Наиля Баннаева, искусствовед
Chief Executive Officer – Azerbaijan

Я жил тогда на Васильевском острове...4-ая линия, это было общежитие Академии художеств. Джавад как приехал остановился у меня, а он приехал когда умер Сталин. В комнате восемь человек, играет трагическая музыка... а Джавад забрался на стол, гигант просто и громко так заявляет: «Тиран умер, теперь будет свобода, демократия и мы будем писать как хотим!». Ребята вокруг напуганы я тоже боюсь, а он: «Что, что вы боитесь, дрожите, не бойтесь...». В те дни я познакомил его с Левинсоном, это был мой педагог в институте, и профессор обещал показать ему, то что тогда было только в запасниках и не выставлялось на всеобщее обозрение, но художник ещё не раз обращался к нему, а времена жестокие, и Евгений Адольфович порой жаловался мне, что Джавад просто невозможный, требует, грубит, однако он любил его... В Баку мы собирались в моём доме, там у нас такие

дискуссии разворачивались... ведь он хотя и добрый был, но свои представления внедрял очень напористо... высокий, красивый, мудрый, прямой. В самый мороз в Ленинграде он ходил в пальто, все вокруг закутанные, а ему не холодно. Как-то он расстроенным голосом сказал мне что у него в Эрмитаже пропала его картина (ему там место предоставили за занавеской где он складывал свои импровизации). И вот одной из них нет. Ну так иди и скажи Пиотровскому говорю... На другой день когда Джавад известил его о пропаже Борис Борисович ему так сказал: «Что вы так расстраиваетесь, радоваться надо что украли, значит шедевр сделали, вот уже охота началась...». Да интересно ещё, когда Джавад готовился к свободной интерпретации Рубенса он стал намерено толстеть, ел и лежал, а перед тем, как приступить к образам Эль Греко морил себя голодом, стал тощим. Он жил творчеством, одержимо и жертвенно. Вот ещё случай... они с Расимом Бабаевым спорят, в их перепалке мелькнуло слово волконскоид, и Джавад сказал, что если Расим так любит эту краску пусть ляжет за неё на тротуар вниз лицом, Расим отказался а Джавад растянулся на улице посреди прохожих лицом вниз за цвет который на тот период уже не был частью его палитры... он был такой во всём, и такая широта была у него во всём, вечно в поиске, сегодня это, завтра совсем другое, и это в те времена, когда было так опасно... это была сенсация – такая новизна, грандиозная личность конечно, интереснейшая... родоначальник, первый, создал школу!

Воспоминания Академика Расима Эфендиева
Азербайджан